

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Русский всадник как Terra Incognita	5
--	---

Часть 1. Всадник Московского царства

Глава 1. Диада «конь и всадник»: сакральные основания связи

1.1.1. История и иконография почитания Heros Equitans. Конь и всадник в мифах и образах русской культуры	26
1.1.2. Воин-всадник как символ царской власти	30
1.1.3. Конь как ритуал и символ царской власти: Страшный суд Ивана Грозного	34
1.1.4. «Adversi, aversi, perversi»: царская конная культура глазами иностранцев	45
1.1.5. Царский «ездной конь»: культурная и имущественная ценность	56

Глава 2. Вещный мир московского всадника: сакральное/светское

1.2.1. «Двуглавый под короною орел»: конское убранство в системе атрибутов царской власти	63
1.2.2. Царский «злат стремень». Обувь, шпоры и элементы седельного сбора	76
1.2.3. Ездовой костюм в системе конной культуры. Терлик и тегиляй. Одежда воинская и придворная	88
1.2.4. Царские ездовые одежды. Чуга и ферезея	103
1.2.5. Московские «амазонки»	116

Глава 3. Homo Eques русского средневековья

1.3.1. Московское конское хозяйство: история, обычаи и традиции. Государевы конюшни	133
1.3.2. «Коньное уристание»: конные забавы, состязания и конный бой	145
1.3.3. Русские дети и конная культура	152
1.3.4. Царские книги «лошадиного учения»	157
1.3.5. Царь-всадник. Федор Алексеевич Романов	164

Часть 2. Русский всадник между царством и империей

Глава 1. Русский всадник

в пространстве петровских реформ

2.1.1. Начало реформ. «Конницы малолюдство».	
Война как основной сценарий	176
2.1.2. Первые виктории	185
2.1.3. «Кавалерские науки на лошадях» для военно-придворной элиты	188
2.1.4. Вещный мир русского всадника до и после Полтавского триумфа	199
2.1.5. Итоги реформирования. Незавершенность реформ	207

Глава 2. Всадники в кружевах:

визуальные коды новой России?

2.2.1. Век женских правлений: новый взгляд на традиции	212
2.2.2. Галанты и воины: кроссгендерный придворный костюм. Александр Меншиков и Петр II. Эпигоны и пленники моды	224
2.2.3. Сукно против кружева: смена мундирной идеологии	235
2.2.4. Конское убранство: визуальная презентация власти	240
2.3.5. Конные театрализованные представления в ритуалах имперской России. Коронационный конный балет императрицы Елизаветы Петровны	246

Глава 3. Русский всадник

при преемниках Петра Великого

2.3.1. «Обучается в позитуре изрядно, ездит рысь и скачет»: военно-придворная элита при Минихе	258
2.3.2. «Повелись в государстве лучшие лошади...». Русская кавалерия до и после шуваловского устава. Артемий Волынский	272
2.3.3. Иппомания в «золотой век» Екатерины II. Алексей Орлов .	278
2.3.4. Русская кавалерия в эпоху Фридриха Великого	283
2.3.5. Павловские реформы. Рыцарь на русском престоле. Конные торжества последних лет XVIII столетия	296

Часть 3. Центавры Российской империи

Глава 1. Русский всадник в эпоху великих князей Павловичей

3.1.1. Рецепция военного опыта XVIII столетия в царствование Александра I. Константин Павлович	312
3.1.2. После Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.	318
3.1.3. Дворянская кавалерийская элита в царствование Николая I. Школа кавалерийских юнкеров. Василий Левашов	325
3.1.4. Конный парад как форма имперской культуры	337
3.1.5. Царскосельский Арсенал. Николай I — последний рыцарь империи?	350

Глава 2. Великие князья Николаевичи и кризис русской конницы

3.2.1. После Крымской войны: основные сценарии развития	363
3.2.2. Трансляция военно-конной культуры. «Рапорты оловянной армии»	376
3.2.3. Николай Николаевич старший: кавалерист, коннозаводчик, коллекционер	386
3.2.4. «Дорогое мое детище»: Офицерская кавалерийская школа	399
3.2.5. «Лошадиный» Музей. Конное наследие Николая Николаевича старшего. Николай Николаевич младший	404

Глава 3. Последние Романовы. Русский всадник на сломе эпох

3.3.1. Русификация и модернизация в царствование Александра III. «Русский Сомюр». Алексей Брусилов	411
3.3.2. Женщина в седле: феминизация образа. Мария Федоровна	422
3.3.3. Последние годы империи: Belle Époque или Fin de Siècle?	435
3.3.4. Спорт и власть в имперской России. Перед Первой мировой войной	441
3.3.5. «Государь, конечно, был верхом...» Начало новой истории?	451

Заключение. Поиски будущего в прошлом	459
<i>Игорь Кондаков.</i>	
Послесловие. От Вещего Олега до Конармии...	465
Приложения	476
Список сокращений	616
Список источников и литературы	618
Список иллюстраций	683
Список приложений	684
Именной указатель	686

ВВЕДЕНИЕ. РУССКИЙ ВСАДНИК КАК TERRA INCOGNITA

Мир есть конь¹.

Страной чудовищных контрастов называли Россию иностранцы, размышлявшие о специфике русской культуры². Смешение не-соединимого было одновременно пугающим и притягательным. Культурологическое осмысление природы этого явления закономерно связало его с другими особенностями русской культуры — разрушительными изменениями, «ломкой» культурно-исторических парадигм, наслоением «старых» и «новых» парадигм, но не последовательной их сменой, и тяготением к имперской державности³. Эти устойчивые черты составили основу национальной культуры как ценностно-смыслового единства.

Размышления о проблеме национального самосознания приобрели новый вектор после ударов, нанесенных дворянскому либерализму подавлением восстаний 1825 (выступление декабристов) и 1830–1831 гг. (Польская война). Последовавший за этими событиями кризис русской дворянской культуры получил свое историософское осмысление в диалоге западничества и славянофильства — двух сторон одной культуры, двух форм русского романтизма⁴. В те же годы романтические представления об историческом своеобразии России нашли свое выражение в творчестве двух крупнейших фигур русской классической

¹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф — имя — культура // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992. С. 58.

² Думова Н. Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. М., 1993. С. 140.

³ Кондаков И. В. Культура России: краткий очерк истории и теории. М., 1999. С. 199; Яковенко И. Г. Прошлое и настоящее России: имперский идеал и национальный интерес // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 88–96.

⁴ Кондаков И. В. Культура России... С. 201.

культуры, обратившихся к двум традиционным «конным» мифологемам: упряженного коня и коня верхового; обе имели дульную трактовку и играли важнейшую роль, связанную с циклом смерть — возрождение — бессмертие.

Новую национально-государственную трактовку получил гоголевский образ русской тройки, вытекающий из широкого контекста русской культуры и имеющей глубокие национальные корни¹. Тройка, перед которой «постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства»², воспетая поэтами более сотни раз³ как олицетворение русского характера, была горячо принята в качестве национального культурного символа. Россия, которая «разметнулась на полсвета», предстает здесь в апофеозе имперской славы, наводя ужас своим величием⁴.

Практически одновременно (сюжет «Мертвых душ» обсуждался Н. В. Гоголем с А. С. Пушкиным в сентябре 1831 г., первый том был написан в 1835 г.; «Медный Всадник» — во вторую болдинскую осень 1833 г.)⁵ русская культура обогатилась еще одним символическим образом, построенным на тех же идеологических коннотациях, и на тех же контрастных мотивах — ужаса и величия⁶. Как и гоголевская тройка, он недвусмысленно наследовал древним мифологемам (прежде всего, мифологеме конного героя-«змееборца»), хотя и входил в противоречие с ним)⁷.

¹ Мароши В. В. Тройка как символ исторического пути России в русской литературе XX века // Филология и культура. 2015. № 2 (40). С. 204–209; Сазонова Л. И. Русь — птица-тройка Гоголя: сакральные основания национальной мифологемы и ее отражения в литературе // Сазонова Л. И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. ИМЛИ РАН. М., 2012. С. 249–292.

² Гоголь Н. В. Мертвые души. Цит. по: Сазонова Л. И. Русь — птица-тройка Гоголя... С. 260.

³ Андроников И. Л. Четырнадцать русских «Троек» // Андронников И. Л. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1981. С. 105.

⁴ Сазонова Л. И. Русь — птица-тройка Гоголя... С. 256, 272–276.

⁵ Гус М. С. Гоголь и николаевская Россия. М., 1957. С. 139; Роговер Е. С. Русская литература первой половины XIX века. СПб., 2004. С. 363.

⁶ Кара-Мурза А. А. Поэма «Медный всадник» А. С. Пушкина: политико-философские проекции // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 2. С. 54; Сазонова Л. И. Русь — птица-тройка Гоголя... С. 276–277.

⁷ Сокурова О. Б. Георгий Победоносец и «Медный всадник» как архетипы русской исторической судьбы // Труды СПбГИК. 2009. Т. 185. С. 54; Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., 2000. С. 206.

Оба символических образа русской исторической судьбы органично встроились в контекст поисков национальной мифологемы. Мотивом, объединяющим обе поэмы, стал имперский пафос, а конь — выразителем силы и мощи нации и государства. Идеальным выражителем образа русского самодержца стал всадник¹.

Теоретическое осмысление этого последнего положения имеет свою давнюю и очень обширную историю. Первый период отечественной историографии русского всадника начинается с публикации коннозаводчика и фанатичного поклонника чистокровной лошади П. Н. Мяснова «О конских ристаниях и скаковых лошадях» (1824)². Эта работа была написана на волне своего рода «иппомании», характерной для русского дворянства конца XVIII — начала XIX в.: к началу правления Екатерины II, кроме известнейших заводов А. Г. Орлова и Шереметевых, насчитывалось лишь два десятка частных конных заводов, а к концу ее правления — тысячи, среди которых были заводы П. С. Муравьева, Н. Д. Домогацкого, С. А. Всеволожского, П. А. Чемоданова, Ф. В. Ростопчина, Д. М. Полторацкого и др.

Мяснов открыл серию трудов по *истории лошади и коннозаводству*; ее продолжили И. К. Мердер (1868), В. И. Коптев (1887), Н. Ф. Зезюлинский (1889). Среди этого массива нужно выделить «Исторический очерк русского коневодства и коннозаводства» И. К. Мердера, отца боевого полковника и георгиевского кавалера К. К. Мердера, в 1824–1834 гг. бывшего наставником цесаревича Александра Николаевича: как известно, личные склонности и увлечения Мердеров оказали сильное влияние на формирование личности не только цесаревича, но всех великих князей Николаевичей.

В 1850-х гг. начинается формирование *военно-иппологических* библиотек, поначалу на основе переводной литературы. Двухтомный «Полный курс иппологии» (1866) профессора иппологии И. И. Равича положил начало отечественной *научной*

¹ Сокурова О. Б. Размышления А. С. Пушкина об исторической судьбе России в поэме «Медный всадник» // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. № 2. С. 297.

² Большинство упомянутых исследований получили свое библиографическое описание в списке источников и литературы.

иппологической литературе; впоследствии эта тема была продолжена Ф. Ф. Фишером (1876).

Вопросы *трансляции конной культуры* в среде военно-интеллектуальной элиты в дореволюционной историографии затрагивали С. А. Белокуров (1907), М. А. Голубцова (1911), И. Н. Божерянов (1915): первые двое — на примере инкультурации и социализации детей дворян и горожан, последний — на примере молодых Романовых. Значительную роль в этом процессе закономерно получила *книжная культура* — ее анализом занимался А. И. Соболевский (1899, 1901), опубликовавший и интерпретировавший фрагмент рукописной «Книги лошадиного учения» (1670) — первого русскоязычного издания, посвященного воспитанию «человека конного». Книга представляла собой перевод сочинения наставника молодого Людовика XIII А. де Плювинеля, трактовавшего этот процесс как вхождение в рыцарскую культуру — культуру элитарного воинского сословия. М. И. Пыляев (1885) указал, какое значение получила рыцарская культура в повседневности русской аристократии. И. Е. Забелин (1915, посмертное издание) отметил наличие у царских детей книг с изображениями «людей на конях русских».

Изучение образов коня и всадника в русской культуре, в том числе и обоснование связи царской власти и коня как атрибута этой власти, в этот период чаще всего обнаруживается в контексте *этнографии и фольклористики* — в этом ключе работали И. И. Срезневский (1846), С. Н. Богомолов, А. В. Терещенко (оба — 1848), Н. И. Костомаров (1860), А. Н. Афанасьев (1865), Н. Я. Аристов (1866), А. А. Котляревский (1868), М. М. Забылин (1880), А. С. Фаминцын (1884), Д. Н. Анучин (1890). Здесь нужно выделить работы И. Е. Забелина (1842, 1862, 1869), впервые появившегося в проблемное поле *царской власти*. Позднее в этой же плоскости работал С. П. Бартенев (1912).

Биографическими исследованиями, наиболее значимыми в указанном контексте, занимались В. Н. Берх (1834), Ф. А. Кони (1844), Д. Ф. Кобеко (1887), Н. К. Шильдер (1903 и др.), В. В. Жерве (1911).

В проблемном поле *военных наук* (в том числе военной истории и философии) работал целый корпус специалистов. Это М. И. Драгомиров (1879), Д. Ф. Масловский (1883, 1891, 1894), Н. А. Орлов (1892), Н. П. Михневич (1898), А. К. Баиров (1906,

1909–1913), А. М. Зайончковский (1908), Н. Н. Сухотин (1912). *Историю конницы* как предмет, достойный выделения из общей массы военной истории, в разное время и с разной глубиной охвата освещали П. А. Иванов (1864), Д. Ф. Масловский (1883, 1891, 1894), М. И. Марков (1887), Г. О. Брикс (1897, авторский перевод «Истории конницы» начальника гвардейской кавалерии при генерал-губернаторе Канады подполковника Дж. Денисона), Л. В. Витт (1900), Н. П. Волынский (1912).

Также нужно отметить весьма объемный корпус обстоятельно изложенных исторических хроник — «летописей» кавалерийских полков и школ, а также некоторых некавалерийских институций, где затрагиваются и вопросы конной подготовки. В этом направлении работали А. В. Висковатов (1832), И. И. Пушкирев (1844), И. В. Анненков (1849), М. П. Азанчевский, К. Н. Манзей (оба — 1859), И. Я. Селезнев (1861), А. С. Платов и Л. Л. Кирпичев (1870), В. А. Потто (1873), Г. А. Милорадович, А. Г. Жеребков (оба — 1876), М. С. Лалаев, П. К. Бенкendorф (1880), К. К. Штакельберг (1881), Н. П. Глиноецкий, М. Г. Гольмдорф (оба — 1882), Н. Н. Буковский (1889), Б. В. Хлебников (1893), М. И. Марков (1884), И. И. Рыкалов (1895), Н. А. Орлов (1896), П. П. Шкот (1898), А. Н. Поливанов, С. И. Петин (оба — 1899), С. А. Панчулидзе (1899, 1901, 1903, 1912), В. И. Кедрин (1901), Н. П. Волынский (1902), А. Н. Антонов (1906), П. Ф. Лузанов (1907), Н. А. Дистерло (1909), Н. В. Химшиев (1913) и др. Создание работ этого блока, зачастую отличающихся значительной символизацией и/или героизацией военной культуры, обыкновенно приурочивалось к юбилеям отечественной военной или военно-образовательной истории.

Первое русскоязычное гендерное исследование, затрагивающее «конное» проблемное поле, принадлежит Е. Н. Щепкиной («Полковые дамы времен Петра I», 1913).

Историей «конной» материальной культуры занимались А. В. Висковатов (с 1841), А. Ф. Вельтман (1844, 1860), П. И. Савваитов (1865), Д. Я. Самоквасов (1908). Часто эти исследования основывались на археологическом и/или музейном материале.

В целом дореволюционный период историографии вопроса — время, когда закладываются границы проблемного поля и определяются векторы его разработки, многие из которых продолжают сохранять свое значение до настоящего времени.

В советский период, вместе со сменой исследовательской парадигмы, стали возможными постановка и решение новых научных задач. Новым направлением, представленным исследованиями А. В. Грачева (1938) и М. С. Иванова (1960) стала история конного спорта и состязательной подготовки всадника. Благодаря исследованиям Э. Н. Репьевой (1976), Г. Ф. Одинцова (1980), Д. С. Сетарова (1981) как новое направление оформляется ипполексика. Книжная культура исследовалась И. И. Назаренко (1956), Л. В. Черепниным (1961), И. М. Кудрявцевым (1963), С. П. Лупповым, который указал место и объем первых «конных» книг в отечественных библиотеках (1970, 1976, 1979), И. Н. Лебедевой (1989). В. Н. Лазаревым (1953) и И. А. Кочетковым (1985) поднимаются вопросы иконографии всадника в русской культуре.

Наблюдается расцвет ипполитературы и истории лошади, среди которых нужно назвать труды В. О. Витта (1952, 1964), Ю. Н. Барминцева, А. Б. Фомина и И. И. Сорокиной, Г. Г. Хитенкова (все — 1972), Е. В. Кожевникова, Д. Я. Гуревича (1990). Отдельно нужно выделить исследование «Конь и всадник: пути и судьбы» В. Б. Ковалевской, в значительной мере послужившее отправной точкой настоящего исследования: здесь история освоения коня разными народами изучается в тесной связи с историческим процессом; вопрос рассмотрен на материале первобытных и древних культур.

Русская «конная» архаика и этнография стали предметом исследования М. Г. Рабиновича (1978, 1986, 1988), Б. А. Рыбакова (1981, 1987). Трансляция конной культуры представлена в исследовании А. К. Байбурина (1991). Выделяются исследования праздничной и церемониальной конной культуры, представленные Г. Н. Добровольской (1975), В. М. Красовской (1979), В. Ю. Матвеевым (1984), А. К. Гануличем (1990). Изучением культурных ценностей русского рыцарства занимался Ю. П. Соловьев (1989).

Расширяется круг музеиных исследований: раздел представлен трудами Н. А. Баклановой (1928), М. М. Денисовой (1925, 1948, 1954), М. Н. Левинсон-Нечаевой (1954), И. И. Вишневской (1987), К. Школьниковой (оба — 1987). К этому же блоку можно отнести исследование Ю. М. Стволинского по истории коллекционирования и экспонирования военной игрушки (1973).

Материальная культура русского всадника изучается на археологическом материале (в том числе на материале *военной археологии*) А. Н. Кирпичниковым (1966, 1973), А. В. Никитиным (1971), Н. С. Шеляпиной, Т. Д. Пановой и Т. Д. Авдусиной (1979). Из общего массива исследований выделяются труды Е. Ю. Моисеенко (1977) и В. М. Глинки (1988) по *истории костюма* в целом и *военного костюма*. Военной проблематикой (*военной философией, историей, источниковедением*) также занимались А. А. Свечин (1928), А. А. Керновский (серии трудов 1932–1939 и 1933–1938), П. П. Епифанов (1946), Л. Г. Бескровный (1953, 1957), А. А. Строков (1955), В. Н. Автократов (1961), Л. В. Беловинский (1983). Публикуются первые труды А. И. Бегуновой (1991), помещающие русского всадника в пространство *войинской повседневности*.

Значимой частью историографии проблемы являются труды представителей *русского зарубежья*: полковые «летописи» К. Н. Скуратова (1938) и С. Н. Ряснянского (1965), военно-исторические труды Ю. Н. Данилова (1924, 1926, 1930 и др.), очерк Н. Н. Головина о роли конницы в Первой мировой войне и после ее окончания (1923), а также материалы, предоставленные корреспондентами русского военно-исторического журнала «Военная быль» (Париж, 1952–1974) А. Н. Антоновым, П. Ф. Волошиным, Г. М. Гриневым, М. К. Данилевичем, Ф. И. Елисеевым, А. Л. Марковым, А. Н. Поливановым, А. А. Скрябиным, Ю. Н. Солодковым и др. По понятным причинам в центре внимания здесь оказалась национальная специфика проблемы. Несмотря на изрядную долю ностальгизации и мифологизации исторической действительности, именно эти труды открывали мир русского всадника для европейской и мировой культуры, придавая проблеме смысл, выходящий за пределы национальной истории. Однако даже здесь история русского всадника не помещалась в контекст истории национальных элит, оставаясь на периферии внимания; не являясь предметом самостоятельных исследований, тема затрагивается лишь по касательной.

В современной России образ русского всадника все чаще привлекает специальное внимание ученых. Предметное поле исследований значительно расширилось, но и в этот период одним из основных направлений разработки темы остается

военная история, которая все чаще рассматривается как одна из составляющих культуры; этому вопросу посвящены исследования А. А. Михайлова (2003), Е. М. Болтуновой (2004, 2011), Г. Э. Введенского, С. А. Летина и Г. В. Вилинбахова (все — 2005), Н. Г. Рогулина (2005, 2008), А. В. Кутищева, С. М. Андреева, Ж. Горюхова, А. Г. Бесова (все — 2006), В. А. Артамонова (2007, 2011), Р. Ф. Незвецкого, А. В. Кухарука (оба — 2009), В. В. Агеева (2011), С. А. Малышева (2012), В. П. Подольникова, Б. А. Алмазова (оба — 2015). В. В. Тараториным (1999) и О. А. Хорошиловой (2013) продолжается изучение *истории конницы*.

Отмечается смещение интереса от изучения исторического процесса самого по себе к антропоориентированной истории. Как отдельное направление выделяются *военно-историческая* и *военная антропология*: в этом направлении работают Е. С. Сенявская (2002), В. И. Бажуков (2008), С. Т. Минаков (2014), А. В. Гладышев (2017). Военная и военно-образовательная история все чаще рассматривается в культурологическом пространстве: к этой категории можно отнести труды А. А. Лугового (2000), В. М. Крылова и В. В. Семичева (2004), Е. Н. Романовой (2008), В. Н. Гребенькова (2011), А. В. Коротенко (2013), В. В. Круглова (2015) и др.).

Появляется понятие *культурной военной истории*. В историко-культурном контексте также рассматриваются вопросы конных состязаний (М. Н. Лопато, 2010). Все больший объем занимает изучение отдельных вопросов в рамках *военной археологии* и *военной материальной культуры*. Примеры можно видеть в работах Л. В. Беловинского (1992, 1995), В. И. Егорова (многочисленные публикации с 1996), С. А. Летина (2000, 2002), Д. П. Алексинского, К. А. Жукова, А. М. Бутягина, Д. С. Коровкина (2005), В. Н. Малышева (2006), О. В. Двуреченского (2008, 2018 и др.), К. В. Татарникова (2008, 2012), К. В. Татарникова и Е. И. Юркевича, К. В. Трубицына (все — 2009), Ю. А. Тихонова (2011), А. В. Курбатова, Е. А. Родионова (оба — 2013), О. В. Шиндлера (2014), Д. А. Клочкова (2014), В. В. Пенского и О. В. Комарова (оба — 2016), Б. В. Мегорского (2018).

Все большее значение приобретают биографические исследования; весомая часть этого блока — *биографии политической и военной элиты*. В этом направлении работали Ю. П. Гусев

(1992), П. В. Седов (1995), Ю. А. Сорокин (1996), З. И. Белякова (1997, 2002), А. П. Богданов (1998, 2009), Л. В. Выскочков, П. А. Лабутин (оба — 2001), М. Я. Тарасов (2004), И. В. Курукин (2006), Е. И. Юркевич (2007), Н. Н. Крючков (2009), Г. С. Чувардин (2010, 2011, 2014, 2017 и др.), Д. М. Володихин (2013), О. Г. Агеева (2018). Здесь следует выделить исследование Г. С. Чувардина, воссоздавшего не только коллективную биографию, но и культурный образ российской военной и военно-политической элиты (2009).

Исследованием культуры царской повседневности занимаются Л. А. Черная (1999, 2008, 2013), П. В. Седов (1995, 2006), И. Б. Михайлова (2010), И. В. Зимин (2011, 2015 и др.), Л. В. Выскочков (2013 и др.), Ю. Г. Шпаковский (2016), А. В. Морохин (2018). Государственный Эрмитаж публикует цикл статей, напрямую посвященных теме «царь-всадник»: их авторы — М. Б. Пиотровский, Е. Ф. Королькова, С. Л. Плотников, А. Л. Ракова и др. (все — 2006). *Музейные исследования* не теряют своей остроты; авторы работ современного периода — Л. П. Кириллова (1997, 2000), О. Б. Мельникова (2003), И. А. Загородня (2003, 2006), Д. О. Осипов (2006), В. А. Чернышев (2007), В. Н. Образцов (2009).

Как новое направление можно выделить группу исследований, где образ всадника исследуется средствами *геральдики*, *сфрагистики*, *нумизматики*, *фалеристики*. Это работы А. Л. Юрбанова, (1998), Г. И. Королева (2000), А. С. Мельниковой (2002), Г. В. Вилинбахова (2006), И. Г. Спасского (2009), Е. В. Пчелова (2009, 2010, 2015). Вопросами *иконографии*, *атрибуции*, особенностей отображения *материальной культуры* русского всадника занимались О. П. Святуха (2005, 2007), Е. М. Саенкова, Н. В. Герасименко (2008), П. В. Николаев (2011), Ю. Н. Бузыкина, К. В. Трубицын (2009, 2010, 2016 и др.), Ю. И. Чежина (2012, 2014, 2015, 2018), В. Ю. Соболев (2017), А. В. Кибовский (2019). *Русская этнография*, *дружинная культура* стали предметом исследования В. Г. Балушка (1995), Р. В. Багдасарова (1998), И. В. Портновой (2009–2010), В. Я. Петрухина (2011), Д. А. Ляпина и О. В. Седовой (2014), О. Д. Федченко (2018). *Фольклористика* и *литературоисследование* представлены К. Р. Конюховым, М. Ч. Ларионовой (оба — 2016), В. Г. Лушиным (2017).

Вопросами *культурной трансляции* и *формирования русской военной элиты* занимаются С. Д. Руденская (1999), В. Р. Басаев

(2003), Н. Г. Рогулин (2004), В. Г. Данченко и Г. В. Калашников, Б. М. Бим-Бад, Н. Н. Петрухинцев (все — 2007), А. Н. Сидорова (2008), Н. Н. Аурова, Р. В. Смирнов (оба — 2010), И. А. Пономарев (2011), П. Е. Подделкова (2013), И. И. Федюкин и М. Б. Лавринович (2015), А. Н. Гребенкин (2015, 2017), И. В. Давыдов (2016), М. Б. Афанасьева (2017). *Книжную культуру, затрагивающую русского всадника, исследуют С. Ю. Дутов и С. Н. Лютов (2007), С. Н. Лютов (2011), К. Б. Жучков (2012), А. М. Панченко (2017).* В последние годы оформляется новый исследовательский подход, ориентированный на изучение конного *нематериального и материального культурного наследия*. В этом направлении работают А. А. Цепляев (2011), Б. В. Горбунов (2014) А. Д. Гарнец, Д. Д. Зыбина (2015), И. Ю. и Н. В. Юрченко (2011–2014, 2016, 2017), А. Н. Трусов (2017).

С большей или меньшей полнотой затрагивают историю русского всадника, помещая его в пространство *церемониальной, придворной и праздничной культуры*, А. К. Ганулич (1996), Г. А. Принцева (2001), О. Ю. Захарова (2001, 2003), Ю. Л. Жмодиков и Е. А. Кононенко (2003), И. А. Манкевич (2004), Л. А. Юзевович, А. Ю. Прокопьев (оба — 2007), И. Л. Андреев (2008), И. Н. Семенов (2011), М. О. Логунова (2011, 2013), Е. П. Ренне (2014), Н. Р. Славнитский (2015 и др.). Исследования А. И. Бегуновой (1992, 1993, 2000), А. П. Аспидова (2007), Л. В. Бердникова и Л. В. Беловинского (оба — 2008) раскрывают вопрос с точки зрения *культуры повседневности*.

Широко представлены *гендерные исследования*. Отдельные вопросы затрагиваются в работах А. В. Кибовского (1997), Е. Э. Келлер (2001), П. П. Щербинина (2004, 2007), О. Б. Вайнштейн, Е. В. Анисимова (оба — 2005), А. С. Рогатнева (2008), Л. Л. Селивановой (2010), О. Н. Мухина (2014), Н. М. Вершининой (2015, 2016), К. Бордэриу (2016), О. А. Хорошиловой (2012, 2013, 2015, 2018).

Не теряют своей актуальности исследования по *истории коневодства и коннозаводства, конской торговли, истории лошади*. В этих направлениях работают Ю. П. Гусев (1992, 1993), И. В. Хиенкина (1999), С. В. Афанасьев (2010), А. И. Раздорский (2011), Н. Н. Спасская и Б. Е. Янишевский (2013), Р. С. Бахтияров и В. А. Курская (оба — 2016).

Итогом стал довольно значительный корпус материалов, образованный как фундаментальными трудами, так и работами более частного характера, где вопрос лишь намечен или затронут косвенно. Однако в этих работах русское всадничество не выделялось как культурная проблема и практически не рассматривалось в качестве существенной характеристики национальной элиты. Немногими исключениями можно считать публикации К. А. Михайлова «К вопросу о формировании всаднической субкультуры в Древней Руси» (1994) и П. В. Седова «Аргамаки в чести, и нашу братью выносят в честь». Конюшня московского придворного XVII в.» (2017), монографические работы А. Е. Мусина «Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета» (2005), Л. В. Щегловой и Н. Р. Саенко «Образ благородного всадника: культурные модели» (2010); их содержанием стали размышления о специфике русского всадничества в контексте изучения придворных и воинских элит. Особое значение для настоящего исследования приобрел труд «Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов» Н. А. Фатеевой (2000), где были обозначены три ведущие «конные» парадигмы в мировой и русской культуре, и их сумма — парадигма поэтическая.

Зарубежная историография не столь обширна, но наиболее глубокое осмысление проблемы в культурологическом контексте обнаруживается именно здесь. Традиционно большой блок работ посвящен *военной истории* — как описанию непосредственно исторических событий, так и их осмыслению с точки зрения стратегии и тактики, состава армии, ее организации, вооружения, техники и т. д., как классические работы прошлых лет, до наших дней не потерявшие своей актуальности: К. Клаузевица (1834), Ф. Энгельса (1859), Л. Э. Нолана (1871), Дж. Денисона (1877), Г. Дельбрюка (1908), так и более поздние исследования. Традиционно много внимания уделяется *русскому фольклору, казачеству и специфике национальной армии* в целом, *русской царской и русской имперской культуре*.

Стоит отметить, что именно зарубежными исследователями были поставлены вопросы, пока не актуальные для отечественной науки или же затронутые в ней только вскользь, в частности

о преемственности образа всадника в системе «Москва — Третий Рим» (М. Вайт, 2013).

Также стоит учесть исследования, которые не относятся к проблеме русского всадника напрямую, но имеют чрезвычайно важное значение для его изучения. Это монографии «Конная культура: статус, дисциплина и идентичность в Новой истории» К. Рабера и Т. Такера (2016) и «Королевские лошади с 1066 года до наших дней» А. Мюррэй (2006), а также материалы сборника «Лошадь как культурная икона» (под ред. П. Эдвардса и Э. Грэхема, 2011)¹. Отдельно стоит отметить получивший в России горячий отклик труд Р.С. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии» (1995, русскоязычный перевод 2002), в значительной мере повлиявший на результаты настоящего исследования.

Обозначенная историография вопроса далеко не полна, но даже в таком виде представляет бурный поток идей и концепций, свидетельствуя о давнем и стабильном исследовательском интересе к проблеме. Специфика символизации образа конного воина в парадигме власти в русской культуре была обнаружена почти три с половиной сотни лет назад: далеко не случайным было создание «Василиологии» Н.Г. Спафария (1673–1674), где царская доблесть напрямую связывалась с состоятельностью монарха как всадника². Однако до сих пор это явление не получило должного освещения: накопленное знание является почти исключительно конкретно-историческим и практически не выходит на уровень научно-теоретического обобщения. Этот существенный пласт русской культуры оказался вычеркнут из круга интересов исторической культурологии.

Вышесказанное определило общее направление работы: реконструкция не истории всадника, а его образа в исторической динамике и на основе конкретно-исторических проявлений. Результаты работы должны представить содержание культурной

¹ Murray A. All the Kings' Horses: Royalty and their Equestrian Passions from 1066 to the Present Day. London, 2006. 304 p.; Raber K., Tucker T. The Culture of the Horse: Status, Discipline, and Identity in the Early Modern World. New York, 2016. 371 p.; The Horse as Cultural Icon. Leiden, 2011. 410 p.

² Николаев П.В. Парсуны всадников конца XVII в. Проблема атрибуции // Наука и школа. 2011. № 4. С. 123–128.

формы¹ «русский всадник» как культурного символа, исходя из гипотезы, согласно которой смысловое содержание культурной формы «русский всадник» на протяжении нескольких столетий русской истории является устойчивым, не взаимосвязанным с историческими трансформациями, что позволяет говорить о нем как об одном из традиционных символов русской культуры.

Внутри основных хронологических рамок исследования помещены, по Н. А. Бердяеву, три «разных России»: Россия московская, петровская, и императорская. Наибольший исследовательский интерес представляют исторические повороты — смены векторов исторического развития, которые закономерно сопровождаются «переходами» и «переломами» культуры, так как культура фокусируется именно на границах различий, которые расчленяют ее на два полюса дуальной оппозиции². Введение категории «между» (во второй части монографии под заголовком «Русский всадник между царством и империей») позволило рассмотреть российскую историческую реальность как переходный процесс между обозначенными полюсами, тем самым выявив новое содержание культуры (срединную культуру).

Основное внимание уделяется периоду, ограниченному двумя событиями: венчанием на царство Ивана IV в 1547 г. и отречением Николая II от престола в 1917 г. Для понимания специфики культурогенеза и русского всадничества сделан экскурс в ранний период его истории, отмеченный оформлением основных черт исторического развития нации и образованием национальной мифологии³. Широкие хронологические рамки, охватывающие несколько столетий русской истории, позволяют проследить за исторической динамикой культурной формы русского всадничества, механизмами ее устойчивости и изменчивости специфических культурных черт.

¹ Флиер А. Я. Культурная форма как предмет познания // Вестник СВФУ. Серия «Экономика. Социология. Культурология». 2016. № 4 (04). С. 45–51.

² Ахиезер А. С. Сфера между и ее осмысление // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 125–133; Кондаков И. В. Культурогенез исторических поворотов // Лики культуры в эпоху социальных перемен. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции. Екатеринбург, 2018. С. 13–16.

³ Кондаков И. В. Культура России... С. 73.

Теоретико-методологические подходы и основы исследования. Работа выполнена как междисциплинарная, поскольку предмет исследования занимает «стыковое пространство» между *историей Отечества, историей русской культуры* (соприродные история и культура представляют разные ракурсы восприятия: культура отражает историю в той же мере, как история отражает социальную реальность)¹ и *имагологией* — относительно новым направлением, чьим проблемным полем являются вопросы формирования национальных образов. Основным методом исследования является *культурная атрибуция* — анализ культурной формы в ее исторической динамике². Анализ сложно структурированных культурных явлений, каким является русское всадничество, обусловил применение *объективного анализа и системно-структурного подхода*; последствием этого стало освещение как позитивных, так и негативных сторон вопроса, которые в сумме составили целостное представление о нем. Методы *исторической антропологии* позволили создать «тотальную» культурную историю русского всадничества. Во внимание также принимались некоторые исходные положения современных *Human-Animal Studies*, что позволило расширить исследовательский ракурс.

Помимо этого, для достижения поставленных задач были привлечены, взятые в пересечении: *идеографический метод*, согласно которому познание начинается с описания; *историко-генетический метод*, в основе которого лежит последовательное раскрытие изменений изучаемой реальности (что, на наш взгляд, не обязывает автора к традиционному линейному изложению, увы, не позволяющему в полной мере раскрыть механизмы преемственности культурных этапов и многомерность, многослойность культуры в ее историческом развитии³);

¹ Флиер А. Я. История как культура и культура как история // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 30; Юрганов А. Л. Культурная история России как проблема // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 7 (16). С. 17.

² Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Вестник МГУКИ. 2015. № 6 (68). С. 24–30; Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 139–144.

³ Кондаков И. В. Архитектоника культуры как метод исторической культурологии (на примере России) // Мир культуры и культурология. СПб., 2012. С. 147, 149.

историко-системный метод — для раскрытия вопроса как совокупности взаимосвязанных событий, явлений и объектов, из взаимодействия которых складывается культурная форма всадничества; *метод периодизации* — для обозначения этапов исторического развития указанной культурной формы, разделенных качественными рубежами; *историко-биографический метод* — для анализа основных результатов деятельности отдельных исторических личностей и/или социальных групп, наибольшим образом повлиявших на развитие данной культурной формы, называя, вслед за С. О. Шмидтом¹, объектом повышенного исследовательского интереса именно человека и человеческие коллективы.

Этот последний метод также нужно выделить как один из наиболее важных для настоящего исследования, поскольку в современную эпоху «антропологического поворота» вопрос о роли личности в истории не только не утратил остроты, но и приобрел особую актуальность. Очевидно, что исторический процесс можно рассматривать как очеловеченное прошлое, т. е. — пусть только частично — как результат суммы деятельности лидеров (политических, военных, социальных, духовных, интеллектуальных и т. д.). Биографические исследования строились автором как

- 1) *модальные*, иллюстрирующие типичные культурные черты;
- 2) *контекстные*, выявляющие особенное; и
- 3) *пограничные*, указывающие границы проблемного поля.

Принятие указанной точки зрения повлекло за собой привлечение *методов просопографии* как специальной технологии изучения элит; они применялись вкупе с *микроисторией*; взятые вместе, они способствовали расширению представления об изучаемой эпохе посредством максимально детализированного погружения в нее. С этой же целью применялись методы *гендерной истории и истории повседневности*.

Семантическое поле исследования определяют следующие категории:

- 1) *культурная черта* — отдельный существенный признак культурного объекта и/или явления;

¹ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы: сборник статей. М., 1969. С. 46.

- 2) *культурная форма* — совокупность культурных черт;
- 3) *культурный символ (символический образ)* — коммуникативно обобщенная образная культурная форма, ее «символическая нагрузка»¹.

Классификация источников и критерии их отбора. Характер исследования предполагает задействование широкого круга источников, объединенных единой концепцией. Основной массив составили письменные источники, опубликованные и не опубликованные. Неопубликованные архивные документы — преимущественно те, что отложились в личных фондах представителей дома Романовых и их ближайшего окружения (лично-биографические, имущественные дела и др.), а также в Коллекции документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца.

Неполнота архивных документов потребовала привлечения значительного ряда уже опубликованных материалов. Привлекаемые материалы этой группы можно разделить на традиционные для культурно-исторического исследования источники (актовая и делопроизводственная документация, статистические и справочные источники, мемуары-автобиографии и мемуары — современные истории, записки и дневники, воспоминания, частная переписка и архивы, публицистика, периодика (газеты, журналы, повременные издания), исторический нарратив, и источники специального характера (разноплановая ипологическая литература).

Стоит учесть, что характер настоящего исследования делает особенно значимыми военно-административную и военно-уставную документацию и документы учетного характера (описи частного и казенного имущества, перечневые ведомости, таблицы).

Существенную часть источников базы исследования также составили вещественные источники. Большинство проанализированных вещественных источников — из музеиных собраний Москвы и Санкт-Петербурга и его пригородов (ГЭ, Музеи Московского Кремля, ГИМ, ГМВ, МО «Музей Москвы»,

¹ Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992. С. 191; Флиер А. Я. Культурная форма как предмет познания. С. 49; Флиер А. Я. О природе культурного символа // Вестник МГУКИ. 2016. № 1 (69). С. 51–57.

Государственный музей истории Санкт-Петербурга, ГМЗ «Царское село», ГМЗ «Петргоф», ГМЗ «Павловск», ГМЗ «Гатчина»). Отдельно нужно выделить вещественные источники из военно-исторических музеев (ЦМ ВС РФ, Музей Отечественной войны 1812 года, Музей военной формы одежды РВИО, ВИМАИВС, Государственный мемориальный музей А. В. Суворова). К анализу также привлекались вещественные источники из собраний зарубежных музеев (Вены, Стокгольма, Дрездена).

Особенно полезными для настоящего исследования были собрания музеев, посвященных истории лошади и истории кавалерии: Научно-художественного музея коневодства при РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева (в том числе более 4 000 ед. хр., представляющих работы Н. Е. Сверчкова), Музея лошади в Шантанье и Музея кавалерии в Сомюре (оба — Франция). Были проанализированы как дошедшие до наших дней, так и утраченные собрания (Придворно-конюшенного музея, полковых музеев и музеев военно-учебных заведений).

Во внимание принимались и материалы частного коллекционирования: собрания русской элиты, прежде всего представителей дома Романовых и их ближайшего окружения. Особую ценность представляют царскосельский Арсенал императора Николая I (коллекция была передана в Императорский Эрмитаж и в настоящее время частично хранится в ГЭ) и утраченный «Лошадиный музей» великого князя Николая Николаевича старшего.

Также к работе привлекались изобразительные источники: живопись (конный портрет — один из самых распространенных типов парадного и царского портрета; батальная и бытовая картина; анималистика), графика (в том числе книжная), скульптура, декоративно-прикладное искусство. Отечественная иконография всадника появляется в XII в. (в начале столетия — на фресках киевской Св. Софии и в ювелирном искусстве Новгорода, в его конце — всадники с резных белокаменных фасадов Дмитровского собора во Владимире и с княжеских печатей).

Изобразительные источники XVI–XVII вв. уже довольно многочисленны: это первые конные царские портреты (царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича), обширная иконография конных святых воинов, многочисленные гравюры,

изображающие русских всадников («*Nobilis Moscouita habitu atque armis equestribus*» и др. А. де Брюна, «*Eqves Moscoviticus*» Й. Аммана, «*Soldato Moscovita à Cavallo*» Ч. Вечеллио), рисунки (сделанные со слов С. Герберштейна А. Хиршфогелем для «Записок о Московии» и «Заметок о России» Э. Пальмквиста), первые исторические картины¹.

Изобразительные источники XVIII столетия — преимущественно парадные конные и «конские» портреты (работы Г.Х. Гроота, Л. Каравака, В. Эриксена, Л.К. Пфандцельта, И.Г. Таннуэра, Г.К. Преннера, И.Я. Вишнякова, А.Ф. Зубова). К этому же периоду относится первый отечественный конный скульптурный портрет — конный памятник Петру I работы Б.-К. Растрелли, задуманный Петром и имеющий концептуальное значение и для него самого, и для национально-государственной идеи², и один из наиболее символичных конных скульптурных портретов в мировой истории искусства — «Медный всадник» Э.М. Фальконе, эталон иконографии всадника в парадигме власти.

Как массовый источник конный портрет появляется в XIX столетии, когда, вместе с романтизмом, пришла мода на военный конный портрет. «Конные» источники этого периода, до начала XX в. включительно, — это работы Ж. В. Адама, И.Б. Лампи — младшего, А.Ж. Гро, Ф. Крюгера, Б.П. Виллевальде, К. Гампельна, В.Ф. Тимма, А.О. Орловского, Ф.А. Рубо, П.К. Клодта, Е.А. Лансере, П.П. Трубецкого, О. Монферрана, А.П. Швабе, А.И. Дмитриева-Мамонова, Н.Д. Дмитриева-Оренбургского, В.А. Серова, С.А. Коровина, Н.Е. Сверчкова, К.П. Брюллова, М.А. Зичи и многих других художников второго, третьего круга и далее). Стоит отметить популярность и массовость «коннозаводского портрета» этого же периода.

Также в работе использовались кино- и фотодокументы из ГАРФ, РГАКФД и ЦГАКФД.

Структура монографии сформирована по проблемно-хронологическому принципу изложения, который позволил в наи-

¹ Русский музей представляет: Лошади в русском искусстве. Альманах. Вып. 12. СПб., 2001. С. 10.

² Чежина Ю.И. История лошади: интерпретация античной идеи в конном монументе Петру I работы Б.-К. Растрелли // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2015. № 5. С. 513.

большей мере приблизиться к воспроизведению реальных исторических событий и показать причинно-следственные связи и закономерности развития исторического процесса; здесь хронология выступает как внутренний механизм культурного смысла, обнаруживающего свою символическую природу¹. Трехчастная структура монографии соответствует трем «разным Россиям» (по Н. А. Бердяеву). Иллюстративные и текстовые приложения, значительная часть из которых опубликована впервые, суммируют источниковедческую основу исследования и поясняют его основные положения.

В первую очередь издание предназначено для специалистов по истории русской культуры. Предложенные материалы могут найти применение в деятельности в области культурологии, культурной антропологии, социальной и гендерной истории, военной истории, истории материальной культуры, истории России.

¹ Кондаков И. В. Ю. М. Лотман как культуролог (в эпицентре «большой структуры») // Юрий Михайлович Лотман. М., 2009. С. 238.